

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХХVI.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашихина, Средн. Подъяч., № 1.

1863.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Замѣтки по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ . . . . . С. Платонова.

Изъ новаго списка географіи, приписываемой Моисею Хоренскому . . . . . К. Патканова.

О миниатюрахъ одной вѣнской рукописи . . . . . А. Кирпичникова.

Возмездіе Палея . . . . . П. В. Вовель.

Критика и библиографія:

Дополнительный человекъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцевъ, профессора С.-Петербургскаго университета. Съ 122 иллюстраціями въ текствѣ 2-хъ фотографій и 12 таблицами фототипій . . . . . И. Сет-скаго.

Писцовая книга Гродненской экономіи, съ прибавленіями. Двѣ части . . . . . С. Пташицкаго.

Родовой бытъ въ современной Индіи . . . . . П. Миннаева.

Столѣтній юбилей В. А. Жуковскаго:

Рѣчь, произнесенная въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ 29-го января . . . . . П. Виноковатаго.

Два письма В. А. Жуковскаго къ графинѣ Софьѣ Михайловнѣ Сокологубъ.

Открытіе фресокъ Кирилловскаго монастыря подъ Кіевомъ . . . . . А. Прахова.

Некрологи:

К. А. Коссовичъ	И. Б.
П. Ив. Мельниковъ	К. Вестужева-Рюмина.
К. К. Герцъ	И. Цветаева.
В. А. Мацѣевскій	С. Пташицкаго.

Отдѣлъ классической филологіи.

(Ом. на 3-й стр. обертки)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Доисторическій человекъ каменнаго вѣка набережья Ладожскаго озера. А. А. Иностранцева, профессора С.-Петербургскаго университета. Съ 123 иллюстраціями въ текстѣ, 2 литографіями и 12 таблицами фототипій. С.-Пб. 1882.

Роскошное изданіе, лежащее предъ нами, представляетъ собою сводъ изслѣдованій остатковъ доисторическаго человека и его культуры, открытыхъ, совмѣстно съ остатками современной имъ фауны и флоры, на южномъ побережьи Ладожскаго озера, при прорытіи новыхъ обходныхъ каналовъ Сясскаго и Свирскаго, съ 1878 по 1882 годъ. Почти при всѣхъ земляныхъ работахъ, производившихся въ данной мѣстности и прилежащихъ окрестностяхъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ столѣтіяхъ, находимы были кости человека и животныхъ, черныя дубъ и разныя каменныя орудія. Находки послѣдняго времени, еще въ начальный періодъ работъ на каналахъ, благодаря счастливой случайности, были переданы проф. Иностранцеву, производившему геологическое изслѣдованіе долины р. Невы. Заинтересованный этими находками, г. Иностранцевъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ къ каналамъ на мѣсто работъ, вмѣстѣ съ молодыми геологами, продолжалъ сборъ находимыхъ предметовъ при посредствѣ заведывающихъ работами, и подробно изслѣдовалъ строеніе всей данной мѣстности.

Многочисленная и разнообразная коллекція, собранная во время работъ на упомянутыхъ каналахъ, состоящая изъ остатковъ костяковъ доисторическихъ обитателей и ихъ культуры, а также остатки животныхъ и растений, ихъ окружавшихъ, представляли собою богатый

материалъ для антропологическаго изслѣдованія, для возстановленія быта и жизненной обстановки доисторическаго обитателя. Если прибавить къ этому еще весьма важныя, неизбежно возникающіе вопросы объ относительной древности погребенныхъ остатковъ, о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя пережила земная поверхность въ теченіе времени, отдѣляющаго насъ отъ былыхъ обитателей, то будетъ очевидно, что разработка подобнаго сложнаго матеріала, затрогивающаго многія отрасли различныхъ специальностей изъ области естественныхъ наукъ, не могла быть подъ силу одному человѣку: такова особенность всѣхъ крупныхъ работъ по антропологии, какъ то признавалъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ этой области знанія, П. Брокъ. Сообразно съ этимъ поступилъ и г. Иностранцевъ: онъ пригласилъ нѣкоторыхъ изъ соотавляющей своихъ по наукѣ съ просьбой принять участіе въ работѣ нѣкоторыхъ отдѣловъ доисторической коллекціи Приладожья; проф. К. О. Кесслеръ чрезвычайно подробно разобралъ многочисленныя остатки рыбъ каменнаго вѣка, А. П. Богдановъ изучилъ черепа человѣка, а М. А. Тихоміровъ—остатки его костяковъ; Д. Н. Анучинъ подробно изслѣдовалъ остатки рода *Canis*, М. Н. Богдановъ—кости птицъ, а И. О. Шмальгаузенъ опредѣлилъ растенія изъ торфовъ. Одни изъ упомянутыхъ ученыхъ доставили самостоятельныя статьи, другіе же только матеріалъ. Разработку всего остальнаго матеріала и общую группировку всѣхъ данныхъ принялъ на себя самъ г. Иностранцевъ.

Въ изданномъ трудѣ онъ размѣстилъ всѣ данныя въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва идетъ геологическое описаніе мѣстности и разрывовъ и опредѣленіе горизонта всѣхъ находокъ. Затѣмъ помѣщено описаніе растеній и животныхъ, а также и самаго человѣка, составленное на основаніи изслѣдованій главнымъ образомъ вышеупомянутыхъ ученыхъ, и наконецъ обзоръ остатковъ культуры, то-есть, издѣлій изъ камня, кости, глины и дерева. „Разбирая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ“, говоритъ авторъ, „разнообразныя остатки доисторическаго человѣка каменнаго вѣка, и сроднившися съ ними духовно, невольно явилась передъ читателемъ отвѣтственность. Для удовлетворенія ея я сдѣлалъ попытку къ реставрировкѣ бытовой и духовной стороны жизни доисторическаго человѣка, а равно попытка возстановить по флорѣ и фаунѣ климатическія условія каменнаго вѣка и до нѣкоторой степени разсмотрѣть вліяніе климата и географіи на его бытъ и его физическую природу“. Эти возстановленія представляютъ собою двѣ по-

слѣднія главы, при чемъ въ послѣднюю включенъ вопросъ и о древности приладожскаго чѣловѣка каменной эпохи.

Постараемся въ сжатой формѣ изложить результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій.

Все южное побережье Ладожскаго озера имѣетъ одинъ общій геологическій характеръ. Начиная отъ истоковъ Невы, отъ Шлиссельбурга и кончая устьемъ Свири, все это побережье представляетъ низменную, слабо поднимающуюся надъ уровнемъ Ладоги, песчаную полосу; только въ немногихъ мѣстахъ этого побережья разнообразный характеръ мѣстности прерывается грядою валуновъ. Песокъ—главная и господствующая здѣсь горная порода. Такое же однообразие сохраняется и въ характерѣ прибрежнаго дна самаго озера Ладоги. Этотъ пологій берегъ мѣстами ограничивается невысокою террасою, которую можно наблюдать близъ Шлиссельбурга. У послѣдняго на лѣвомъ берегу Невы прекращеніе высокаго берега рѣки сразу обнаруживается въ такъ-называемой Преображенской горѣ. Если слѣдить этотъ уступъ далѣе по нижнему побережью Ладожскаго озера, то можно замѣтить, что онъ скоро снова сливается съ береговою низменностью, сохраняя при томъ свой песчаный характеръ. Ширина полосы, занятой песками вдоль побережья, весьма неодинакова; при томъ мѣстами она прерывается глинистыми отложениями. За песчаную полосу наблюдается глинистый наносъ, на которомъ покоятся болота, иногда рѣзко отдѣленные отъ прилегающей песчаной полосы грядою дюнныхъ песковъ, изрѣдка захватывающихъ и часть глинистой полосы. Этотъ глинистый характеръ побережья доходитъ до высокаго уступа, который простирается сюда отъ высотъ Царскосельскихъ. Самая древняя терраса побережья Ладожскаго озера появляется въ уступѣ Путиловскихъ плитныхъ ломовъ, отстоящихъ отъ берега озера на три версты; здѣсь она выражена необыкновенно рѣзко и отчетливо. Геологическій характеръ этой террасы рѣзко отличается отъ характера предшествующей. По всему уступу на значительное пространство тянутся здѣсь ломы известняка силурійской системы съ ниже его лежащими горными породами, какъ этой эпохи, такъ и кембріескими отложениями. Известнякъ образуетъ рѣзко выраженный уступъ, покрытый въ свою очередь нѣсколькими отдѣльными уступами. Довольно мощная толща настоящихъ ледниковыхъ отложений, типичной поддоной морены, ровнымъ покровомъ налегаетъ на эту верхнюю террасу и ея уступы. Распространеніе ея къ югу и востоку, въ нѣкоторой параллельности южному побережью Ладож-

скаго озера, можно наблюдать на значительное протяженіе по всѣмъ впадающимъ въ озеро рѣкамъ и рѣчкамъ; наиболѣе же отчетливо эта терраса выступаетъ въ Волховскихъ и Сяскихъ порогахъ. „Взаимное отношеніе наносовъ, покрывающихъ побережье Ладожскаго озера, наблюдалось нами“, говоритъ г. Иностранцевъ „какъ въ берегахъ впадающихъ въ озеро рѣкъ, такъ и въ превосходныхъ искусственныхъ разрѣзахъ, сдѣланныхъ при проведеніи новыхъ Сяскаго и Свирскаго каналовъ. Слѣдовательно, здѣсь вполне было возможно удовлетворить обыкновеннымъ требованіямъ стратиграфіи, то-есть, получить геологическіе разрѣзы въ двухъ перпендикулярныхъ другъ-другу направленіяхъ. Только такая возможность можетъ дать единственно вѣрное представленіе о характерѣ распространенія наносовъ“.

Мѣстность, по которой проведены новые каналы—Сяскій и Сви́рскій, отдѣлена отъ Ладожскаго озера полосою суши, наибольшая ширина которой достигаетъ полутора версты. Вся эта мѣстность незначительно приподнимается (до 1,5 сажень) надъ наивысшимъ горизонтомъ озера, и во время наибольшихъ водъ побережье Сви́рскаго канала затопляется водою на значительное пространство. При производствѣ работъ на новыхъ каналахъ, выемки въ почвѣ имѣли сверху до 20 сажень ширины, внизу же, у дна канала, до 12 сажень. Наибольшее углубленіе, произведенное работами, было до 3,04 сажени подъ уровнемъ наивысшаго (2,04 сажени) стоянія воды въ Ладожскомъ озерѣ. Выемки земли, считая отъ поверхности и принимая во вниманіе колодцы, которые опускались на одну сажень ниже дна канала, ради установки водоотливной машины, должны были углубляться отъ 2,5 до 4,5 сажень.

Разсматривая разрѣзы, пройденные каналами, можно видѣть, что въ самомъ верху являются неслоистые пески, образующіе здѣсь дюнные холмы до 1,12 сажени высоты. Толщина этихъ переработанныхъ вѣтромъ песковъ колеблется между 0,15 до 2 сажень и даже до нуля, какъ напримѣръ за д. Коровиной, гдѣ пески выклиниваются. Ниже дюнныхъ песковъ выходитъ толща песковъ слоистыхъ, ясно сортированныхъ, состоящихъ изъ зеренъ кварца и полеваго шпата. Толщина этого пласта неравномѣрна и находится въ связи какъ съ изгибами ниже лежащихъ глинъ, такъ и съ силой вѣтровъ, передующихъ его въ дюны. Общая же толща слоистыхъ песковъ достигаетъ трехъ сажень. Подъ слоистыми песками залегаютъ слои торфа то сплошными участками, то въ видѣ отдѣльныхъ гнѣздъ. Этотъ торфъ, богатый пескомъ и слюдою, тянется отъ начала Сяскаго канала

почти непрерывно на протяжении первыхъ четырехъ верстъ, и лишь на концѣ 4-й версты залегаетъ торфъ, и то отдѣльными только гнѣздами; мощность торфа доходитъ до 0,2 сажени. Самый характеръ его особенный: это не общезвѣстный торфъ торфяниковъ и болотъ, а торфъ намывной, съ примѣсью песку и глины, и растительность, образующая его, весьма разнообразна. Разложившіеся органическіе остатки распределяются въ массѣ его не равномерно, при чемъ иногда торфъ почти исключительно состоитъ изъ берегового тростника, и тогда онъ слоистъ и содержитъ въ себѣ листочки бѣлой слюды, иногда же въ немъ примѣшана наземная растительность, встрѣчаются сучки и стволы деревьевъ, листья и сѣмена растений. Начиная съ пятой версты, далѣе вплоть до р. Сяси, характеръ торфа измѣняется. Здѣсь слой торфа, при той же толщинѣ, постояннѣе, имѣетъ интенсивный черный цвѣтъ и состоитъ изъ остатковъ наземныхъ растений безъ примѣси песку и слюды. Кромѣ того, онъ содержитъ въ себѣ массу сучьевъ, вѣтвей и цѣлыхъ стволовъ различныхъ деревьевъ. Въ этомъ же торфѣ наблюдается въ изобиліи мохъ и листья нѣтъ, чего раньше не было.

Описанныя нами скопленія торфа встрѣчаются, однако, не исключительно въ нижнихъ слояхъ группы слоистыхъ песковъ; отдѣльными небольшіми гнѣзда намывнаго торфа залегаютъ и выше, вплоть до границы, отдѣляющей слоистые пески отъ верхнихъ, переработанныхъ вѣтромъ.

Вся эта группа песчаныхъ отложений налегаетъ на глинистыя. По новому Сясскому каналу, при самомъ его выходѣ изъ р. Волхова, слоистые пески налегаютъ на красноватая, песчаная и не мощныя глины. Эта глина въ свою очередь налегаетъ на сѣрую или красноватую песчаную глину, содержащую мелкій щебень и валуны. Это наблюдалось какъ на каналахъ, такъ и по рѣкамъ Волхову и Сяси. Сѣрая песчаная глина, изобилуя валунами и мелкимъ щебнемъ, представляетъ полное сходство съ типичною поддонною мореною нѣкогда бывшаго здѣсь громаднаго ледника; цвѣтъ этой глины находится въ прямой зависимости отъ цвѣта ниже лежащихъ глинъ, продукта разрушенія коренныхъ здѣшнихъ породъ девонской системы. Валуны и щебень поддонной морены состоятъ изъ породъ кристаллическихъ — гранитовъ и гнейсовъ, весьма разнообразныхъ сланцевъ, девонскихъ сѣрыхъ и красныхъ песчаниковъ. Общая толщина ея не превышаетъ двухъ сажень, а мѣстами, гдѣ этотъ слой совершенно размытъ, и остались только валуны, толщина морены крайне незначительна.

Иногда непосредственно на валуны отложилась новая группа слоистых песковъ и глинъ, или налегаетъ торфяной слой, выше же идутъ пески безъ промежуточного слоя глинъ болѣе новыхъ. Слѣди обработки пещей поддонной морены ледникомъ прекрасно сохранились на сланцахъ и песчаникахъ въ видѣ шлифовки значительныхъ поверхностей, покрытыхъ отчетливыми шрамами и полировкой. Верхняя поверхность поддонной морены представляетъ крайне значительныя неровности и изгибы, и послѣднѣе, по видимому, заполняются покрывающими ее глинами, а выше песками, которые напластованы горизонтально. „Нѣкогда бывшее размываніе поддонной морены“, по мнѣнію г. Иностранцева, „съ наглядностью указываетъ, что между временемъ ея здѣсь отложенія и временемъ отложенія группы слоистыхъ песковъ и болѣе новыхъ глинъ прошелъ значительный промежутокъ времени, въ который и происходило размываніе ледниковаго наноса; такъ, что, не смотря на видимое прямое налеганіе группы слоистыхъ песковъ и глинъ на поддонную морену, первая группа не есть непосредственно слѣдующій во времени за ледниковымъ наносомъ осадокъ, а этотъ осадокъ отдѣленъ нѣкоторымъ промежуткомъ времени“.

Къ тѣмъ же выводамъ относительно взаимныхъ отношеній группы слоистыхъ песковъ и песчаныхъ глинъ къ поддонной моренѣ приводитъ автора изслѣдованіе разрѣзовъ по Волхову и Сяси, то-есть, въ направленіяхъ, перпендикулярныхъ направленію канала. Какъ послѣдніе разрѣзы, такъ и разрѣзы по каналамъ, воспроизведены на приложенныхъ къ нимъ планахъ, и въ общемъ даютъ отчетливое понятіе объ интересующемъ насъ вопросѣ. Группа песчаныхъ образованій занимаетъ всю площадь между Волховомъ и Сясю, вплоть до устьевъ рѣкъ Вельзы и Волгамы, падающихъ въ вышеназванныя рѣки; далѣе же стелется глинистая полоса съ однообразно равниннымъ характеромъ, замыкаемая на югѣ террасой, образованною силурійскими образованіями, и прикрытая сверху ледниковымъ наносомъ.

Вся песчаная группа приладожскихъ наносовъ, вмѣстѣ съ имѣющими подчиненное значеніе слоями торфа, представляетъ особенный и значительный интересъ, благодаря различнымъ постороннимъ предметамъ, включеннымъ въ эти образованія. Такъ напримѣръ, почти на самой поверхности, въ пескахъ неслоистыхъ, передутыхъ вѣтромъ, были найдены на глубинѣ около 0,3 сажени на Сяскомъ каналѣ—довольно значительный кусокъ янтара, безъ всякихъ слѣдовъ искусственной обработки, а на Свиірскомъ каналѣ—своеобразной формы

железный топоръ, подобный находимымъ въ курганахъ X и XI столѣтій, въ Петербургской губерніи. Кромѣ того, въ этихъ же дюнныхъ пескахъ, при работахъ въ нихъ, находили и кости нѣкѣ живущихъ животныхъ, сохранившіяся съ характернымъ бѣлымъ цвѣтомъ.

Слоистые, ниже лежащіе пески въ своей толщѣ включаютъ въ изобиліи деревья, представляющіяся полубугленными, но сохранившимися съ сучьями, вѣтвями и корнями. Мѣстами эти скопленія деревьевъ такъ значительны, что во время работъ приходилось прибѣгать къ сожиганію ихъ, а стволы деревьевъ значительныхъ размѣровъ (до 0,74 саж. въ діаметрѣ), залегавшихъ поперегъ канала, необходимо было выпиливать. „Въ этой массѣ погребеннаго лѣса“, по замѣчанію г. Иностранцева, „поражаетъ то обстоятельство, что въ расположеніи этихъ погибшихъ деревьевъ наблюдалась въ большинствѣ случаевъ нѣкоторая правильность; эта правильность заключалась въ томъ, что большинство деревьевъ размѣщалось въ наносахъ перпендикулярно направленію канала, а слѣдовательно и Ладожскаго озера“. Но на всѣхъ этихъ деревьяхъ, иногда сильно разложившихся, не было замѣчено никакой искусственной обработки.

Главный интересъ съ точки зрѣнія антропологій сосредоточивается на слояхъ торфа, гдѣ при работахъ были встрѣчены многочисленные остатки, дающіе право назвать всю толщу сложныхъ песковъ культурными слоями. „Къ разряду такихъ остатковъ принадлежатъ: части скелета самого человѣка (его черепа и отдѣльныя кости), кости скелетовъ млекопитающихъ, птицъ, рыбъ, насѣкомыхъ, а равно и раковины моллюсковъ. Здѣсь же найдено большое количество издѣлій, то-есть подѣлокъ самого человѣка изъ камня, кости, рога, глинны и дерева. Эти же слои представили еще и другой интересъ. Торфъ, какъ намывной, такъ и лѣсной, образованъ растительными остатками, а потому подробный разборъ его далъ возможность изучить и остатки тѣхъ растений, которыя составляли флору періода погребенія всѣхъ этихъ остатковъ“. Костяки человѣка и остатки его культуры были открываемы постепенно, по мѣрѣ углубленія каналовъ, на ихъ днѣ, состоящемъ изъ намывнаго торфа съ большимъ запасомъ песку. Этотъ торфъ представлялъ собою то гнѣздовыя скопленія, то разстилался довольно равномерно по дну. Кости, какъ человѣка, такъ и животныхъ, были разсѣяны особняками, одиночками въ этомъ намывномъ слоѣ, что приводитъ къ заключенію, что костяки были сильно разстроены прежде ихъ погребенія, какъ

въ слонистыхъ пескахъ, такъ и въ этомъ намыльномъ слое торфа. Вблизи костей залегали подѣлки изъ камня и кости; такъ однажды удалось найти рядомъ съ костями руки и пальцевъ прекрасно сдѣланное изъ кости шило и кажется, долото. На костяхъ лося, кабана, медвѣдя и др. найдены ясные слѣды ихъ искусственнаго раздробленія. Среди костей рыбъ попадаются кости, подвергавшіяся дѣйствию огня. Здѣсь же находили обломки горшечной посуды и расколотые орѣхи.

Главная часть коллекціи г. Иностранцева была собрана при началѣ Сясскаго канала, на протяженіи первыхъ трехъ верстъ отъ Волхова по направленію канала. Въ самомъ началѣ найденъ одинъ черепъ человѣка и нѣсколько каменныхъ орудій на глубинѣ 1,53 сажени отъ поверхности; другой черепъ (№ 5), также съ орудіями, встрѣченъ въ разстояніи 300 саж. отъ берега рѣки, около трехъ четвертей сажени подъ дномъ канала; далѣе на протяженіи отъ 350 до 1,000 саж. отъ Волхова и на глубинѣ отъ поверхности въ 2,68 саж., открыто еще шесть череповъ. На Свирскомъ каналѣ также найдено три черепа человѣка: одинъ въ разстояніи трехъ верстъ и ста сажени отъ Сяси и на глубинѣ 0,62 саж. подъ дномъ канала, въ колодцѣ, въ этомъ днѣ заложеномъ, и два черепа въ разстояніи четырехъ верстъ, 250 саж. отъ Сяси на днѣ канала въ торфяномъ слое. Нѣсколько далѣе (за шестою верстой) въ намыльномъ же торфѣ былъ найденъ челнокъ, приготовленный изъ сплошнаго ствола дуба, и при немъ каменныя и костяныя издѣлія. Всѣ кости, какъ человѣка, такъ и животныхъ, а также и костяныя издѣлія, сохранились въ торфѣ прекрасно, и вслѣдствіе проникновенія въ нихъ продуктовъ разложенія торфа, а равно и окиси желѣза, приняли темно-шоколадный цвѣтъ. Степень же сохранности всѣхъ костей указываетъ на одновременность ихъ погребенія. Можно думать, что культурные слои пользуются въ южномъ побережьи Ладожскаго озера значительнымъ распространеніемъ, въ пользу чего говорятъ находки какъ современныхъ, такъ и прежнихъ лѣтъ при работахъ на новомъ Ладожскомъ каналѣ.

Изъ описаннаго строенія южнаго побережья Ладожскаго озера г. Иностранцевъ выводитъ то существенное заключеніе, что значительныя измѣненія произошли въ орографіи побережья уже со времени образованія культурныхъ слоевъ. По мнѣнію исследователя, „нахожденіе на значительныхъ глубинахъ отъ поверхности слоя дѣснаго торфа, а равно и характеръ погребенія деревьевъ, указываютъ

намъ, что въ то время, когда у самаго побережья жилъ доисторическій человѣкъ, уровень Ладожскаго озера стоялъ много ниже, чѣмъ въ настоящее время. Характеръ намывнаго торфа, способнаго образоваться главнымъ образомъ у береговъ, встрѣчающагося прослоями въ культурной толщѣ, указываетъ намъ, что повышеніе уровня воды въ Ладожскомъ озерѣ шло чрезвычайно медленно; берега постепенно затоплялись водою; растущія здѣсь деревья подмывались и падали на мелководное побережье въ извѣстномъ направленіи и постепенно сами заносились песками. Такимъ способомъ былъ здѣсь погребенъ и слой лѣснаго торфа, лежащій на мѣстѣ своего образованія. Повышеніе уровня воды въ Ладожскомъ озерѣ должно было доходить до послѣдней террасы, ибо слоистые пески поднимаются у д. Вельевъ до 4,5 сажени надъ наибольшимъ уровнемъ воды Ладожскаго озера; продукты ея размыванія — красноватые песчаные глины, а равно и песокъ, распредѣлялись въ береговой полосѣ — одни ближе, другіе — дальше отъ берега. Такое повышеніе мы должны допустить, по крайней мѣрѣ, до верхней границы красноватыхъ песчаныхъ глинъ, а такое допущеніе ведетъ за собою повышеніе по крайней мѣрѣ, на шесть сажени, если не болѣе, надъ старымъ уровнемъ нѣкогда бывшаго здѣсь бассейна. Въ этотъ періодъ времени доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка все-таки продолжалъ жить на побережьи, а потому случайные его остатки встрѣчаются и въ болѣе высокихъ горизонтахъ, чѣмъ обнаженный на днѣ каналовъ слой намывнаго торфа. Вторую фазу — пониженіе уровня воды въ Ладожскомъ озерѣ — мы должны допустить потому, что въ настоящее время какъ красноватая песчаная глина, такъ и значительная часть слоистыхъ песковъ, находится выше уровня Ладожскаго озера. Но это послѣднее пониженіе далеко не достигаетъ того первоначальнаго уровня, на которомъ стоялъ здѣсь водный бассейнъ при образованіи самихъ нижнихъ слоевъ намывнаго торфа. Уровень воды здѣсь, въ эту вторую фазу, понизился не болѣе какъ на четыре сажени, обнаживъ тѣ мѣста, гдѣ теперь проведены старый и новый Сяскскій и Свирскій каналы. Дальнѣйшему повышенію мѣстности способствовалъ вѣтеръ, начавшій перерабатывать верхніе слои песка въ дюнные холмы. Весьма вѣроятно, что этому явленію мы и обязаны тѣмъ, что въ группѣ слоистыхъ песковъ, въ верхнихъ ихъ горизонтахъ, не встрѣчены остатки человѣка съ болѣе высокой культурой, чѣмъ найденный нами человѣкъ каменнаго вѣка. Исключеніе составляетъ одно мѣсто на рѣкѣ Волховѣ. Вѣтеръ, подымая песокъ на берегъ, долженъ былъ

обнажать остатки, въ немъ погребенные, и предоставить ихъ разрушительному дѣйствию атмосферы. Вотъ именно этимъ-то путемъ мы и въ состояніи объяснить, почему въ изученной нами мѣстности нѣтъ какъ бы то ни было переходныхъ слоевъ, связывающихъ до-историческаго человѣка глубокой древности съ человѣкомъ историческимъ“.

Таково содержаніе первой главы сочиненія г. Иностранцева, излагающей геологическія основанія его дальнѣйшихъ собственно антропологическихъ соображеній. Вторая, очень обширная глава посвящена описанію флоры и фауны, остатки которыхъ были добыты изъ культурныхъ слоевъ Ладожскаго побережья. Изъ разбора этого значительнаго по количеству матеріала (39 видовъ растений и около 3,000 костей животныхъ) нѣсколькими специалистами, составилъ прекрасный очеркъ, строго научныя и детальныя данныя котораго, безъ сомнѣнія, являются весьма цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу по вопросу объ ископаемой флорѣ и фаунѣ Россіи. Мы, однако, не будемъ вдаваться въ подробности этой слишкомъ специальной главы, гдѣ мы находимъ подробныя описанія и измѣренія костей, а также ихъ химическій анализъ, такъ какъ ознакомимся съ ея выводами ниже, при обзорѣ послѣдней главы труда; здѣсь же упомянемъ только, что включенное во 2-ю главу описаніе рода *Canis*, принадлежащее перу Д. П. Апухипа, обращаетъ на себя особенное вниманіе по тщательности обработки данныхъ и богатой эрудиціи автора.

Затѣмъ обращаемся къ главѣ третьей. Въ послѣдніе годы изслѣдованія по части антропологіи сдѣлали у насъ значительные успѣхи. Мы имѣемъ уже несомнѣнныя данныя о пребываніи въ предѣлахъ европейской Россіи человѣка каменной эпохи, современника мамонта и другихъ вымершихъ животныхъ, и что особенно важно, имѣемъ остатки человѣческихъ костяковъ, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ. Главный запасъ этихъ послѣднихъ доставили счастливыя находки г. Иностранцева. Въ его коллекціи изъ каменной эпохи съ побережья Ладожскаго озера находится десять череповъ и значительное количество обломковъ ихъ и отдѣльныхъ костей скелета, найденныхъ на разныхъ глубинахъ каналовъ. Изслѣдованіе этихъ крайне важныхъ въ научномъ отношеніи остатковъ принялъ на себя профессоръ А. П. Богдановъ; съ результатами его работъ и знакомить насъ третья глава книги г. Иностранцева, написанная г. А. Богдановымъ. Хотя ограниченность матеріала и не позволила г. Богданову

часть ссххvi, отд. 2.

прійти къ окончательнымъ выводамъ, тѣмъ не менѣе сравненіе череповъ каменной эпохи съ черепами уже болѣе поздняго, курганнаго періода, дало ему возможность выставить на видъ то значеніе, которое можно придавать находкамъ г. Иностранцева собственно съ точки зрѣнія краниологін.

Разсматривая черепа г. Иностранцева, г. Богдановъ пришелъ къ убѣжденію, что въ нихъ нѣтъ ничего такого, что слишкомъ рѣзко отличало бы ихъ отъ череповъ, находящихся въ русскихъ курганахъ, то-есть, отъ череповъ, отдѣленныхъ отъ первыхъ продолжительнымъ временемъ. И притомъ, по мнѣнію г. Богданова, „въ этомъ сходствѣ съ извѣстной точки зрѣнія, и именно пониманія краниологін племенъ Россіи, и лежитъ ихъ особенный интересъ и значеніе. При рѣзкомъ отличіи ихъ получился бы лишь любопытный фактъ нахожденія какого-то своеобразнаго племени. Получая же въ нихъ только видоизмѣненіе послѣдующаго типа, мы, напротивъ того, тотчасъ же приобрѣтаемъ новое, чрезвычайно важное по своей древности, звѣно, которое стоитъ въ ясной и опредѣленной связи со всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ краниологическихъ формъ въ сѣверной и средней Россіи и обогащаетъ насъ въ высшей степени важнымъ и несомнѣннымъ фактомъ о неизмѣримо-большой древности происхожденія первоначальныхъ русскихъ краниологическихъ типовъ“. Найденные г. Иностранцевымъ черепа, взятые въ совокупности, по общей формѣ своей не представляютъ того единства и однородности, которыя встрѣчаются даже въ русскихъ курганныхъ черепахъ изъ различныхъ мѣстностей. Обще имъ всѣмъ только то, что всѣ они имѣютъ особенное развитіе въ длину и относятся къ типамъ: затылочно-длинноголовыхъ, бугристо-длинноголовыхъ и типически-длинноголовыхъ; въ нихъ нѣтъ, слѣдовательно, однородной моделировки головы, а это обстоятельство, вмѣстѣ съ значительными колебаніями относительно морфологическихъ особенностей, уже лишаетъ насъ права считать то племя, которому черепа принадлежатъ, за вполне чистое, первобытное. Смѣшеніе морфологическихъ признаковъ въ особенности бросается въ глаза на черепахъ женоподобной группы, то-есть, на тѣхъ, которые не представляютъ рѣзко и ясно выраженныхъ мужскихъ признаковъ. Причину такого смѣшенія и меньшую устойчивость краниологическихъ свойствъ, сравнительно съ курганными черепами, г. Богдановъ приписываетъ условіямъ быта и обстановки тѣхъ людей. Нашъ сѣверъ, заселяемый ради выгодъ охотничьяго промысла, которыя требуютъ наименьшей борьбы и конкуренціи съ людьми, а также обладанія, ради удобствъ

охоты, значительнымъ пространствомъ свободной земли, вѣроятно, былъ населенъ очень рѣдко. А если поселенія первобытныхъ обитателей Приладожья были рѣдки, то для размноженія имъ предстояло два выхода—или пережениться съ ближайшими соплеменными соседями, или брать женъ изъ другихъ племенъ. При томъ и другомъ условіи типъ въ естественно-историческомъ смыслѣ могъ испортиться, то-есть, представить искаженіе; при соединеніи съ иноплеменными чистота признаковъ утрачивалась, а при близкихъ кровныхъ соединеніяхъ могли чаще производиться болѣзненные, патологическія явленія. Въ пользу такихъ соединеній говоритъ то обстоятельство, что замѣчается только различіе между мужскими и женскими черепами, но не существенная разнородность; всѣ черепа длинноголовые и всѣ представляютъ общій основной типъ, проходящій даже въ лицевыхъ признакахъ, такъ какъ всѣ черепа оказались не широконосными и всѣ низкоорбитными. Одинъ черепъ представляетъ исключеніе, и вѣроятно онъ принадлежитъ пришельцу. Г. Богдановъ склоненъ думать, что та мѣстность Петербургской губерніи, гдѣ сдѣланы находки, была не настоящимъ поселкомъ, но постоянною стоянкой различныхъ охотниковъ, приходившихъ сюда на промыселъ изъ средней Россіи или съ сѣвера. Въ пользу того говоритъ залеганіе череповъ не на одномъ уровнѣ и въ условіяхъ, не вполне тождественныхъ. Если это такъ, то и различіе въ типѣ череповъ легко объясняется тѣмъ, что люди принадлежали хотя и къ одному основному племени, но жившему въ очень различныхъ мѣстахъ, и потому могли представлять нѣкоторыя частныя антропологическія особенности.

Не смотря на признаки племеннаго смѣшенія въ Ладожскихъ черепнахъ и костяхъ, эти послѣдніе съ точки зрѣнія совершенства ихъ организаціи, обнаруживаютъ нѣкоторыя особенности, свидѣтельствующія въ пользу относительной ихъ первобытности. Такова, во первыхъ, значительная толщина черепныхъ костей, и во вторыхъ, то, что черепа г. Иностранцева, почти всѣ были или малыхъ, или среднихъ размѣровъ, съ отлогими лбами, чѣмъ и выражается низшее развитіе этихъ представителей камепнаго вѣка, сравнительно съ позднѣйшими курганами. Различіе въ мужскихъ и женскихъ черепахъ первобытныхъ обитателей Приладожья, замѣчаемое въ силѣ мускулатуры, въ толщинѣ костей, въ развитіи различныхъ отдѣловъ черепа, а слѣдовательно, и въ относительномъ развитіи тѣхъ или другихъ отдѣловъ мозга, по мнѣнію г. Богданова, даетъ, можетъ быть, право къ тому предположенію, что кругъ дѣятельности мужчинъ и женщинъ былъ

тогда уже не одинаковъ; такъ какъ въ эпоху, предшествующую раздѣленію труда между обоими полами, черепа ихъ представляютъ значительное сходство. Чѣмъ больше раздѣленіе труда и чѣмъ болѣе физическая работа, требующая силы, начинается выполняться не одинаково, и мужчина, предоставляя женщинѣ внутреннее хозяйство, беретъ на себя трудъ внѣшней охраны и употребленія физической силы, тѣмъ рѣзче становится различіе между двумя полами въ мускулатурѣ и силѣ костей. Такимъ образомъ и различіе, замѣчаемое между мужскими и женскими черепами въ данномъ случаѣ, находитъ себѣ объясненіе въ различіи роли обоихъ половъ въ жизненномъ обиходѣ у этихъ поселенцевъ. „Между черепами каменнаго вѣка г. Иностранцева“, говоритъ г. Богдановъ; „мы встрѣчаемъ несомнѣнно курганнаго типа тишескихъ долихокефаловъ, хотя и въ небольшомъ числѣ. Остальные же хотя и варьируютъ, но въ тѣхъ же предѣлахъ, которые замѣчаются и въ курганныхъ типа длинноголовыхъ. Отсюда и заключаю, съ большею для себя вѣроятностью, что найденные люди каменнаго вѣка были предшественниками, прародителями, въ общемъ значеніи этого слова, а не въ частномъ, курганныхъ, обитателей средней Россіи, и что они, вѣстѣ съ курганными, принадлежатъ къ одной и той же группѣ или естественно-историческому племени“.

Такимъ образомъ, итогомъ изслѣдованія остатковъ костяковъ человѣка, открытыхъ на доисторической стоянкѣ Ладожскаго побережья, г. Богдановъ признаетъ слѣдующіе главные факты: 1) Самый древній типъ народонаселенія, до сихъ поръ извѣстный, для Петербургской губерніи, былъ длинноголовый. 2) Въ немъ существовали несомнѣнныя черты, родственныя съ курганнымъ типомъ средней Россіи. 3) Такъ какъ и другіе черепа изъ кургановъ съ длинноголовымъ населеніемъ, какъ напримѣръ, Полтавской и Ярославской губерній, въ могиллахъ съ предметами исключительно каменными, дали тоже длинноголовый типъ, то его можно считать господствовавшимъ въ самыхъ древнія времена въ коренныхъ областяхъ Россіи, а представителей его—первыми заселителями страны. 4) Этотъ фактъ важенъ потому что выясняетъ и значительную склонность къ длинноголовости современныхъ русскихъ череповъ; начало же измѣненія черепа, вслѣдствіе примѣся короткоголовыхъ, относится къ періоду каменнаго вѣка. 5) Основываясь на черепахъ каменнаго вѣка изъ различныхъ мѣстностей Россіи, можно допускать, что Славяне-Великоруссы суть потомки того племени, которое съ каменнаго вѣка населяло среднюю Россію. 6) Приладожская стоянка каменнаго вѣка характерна наклон-

ностью къ длинноголовости своего народонаселенія, малыми размѣрами череповъ и выразившимся уже рѣзкимъ различіемъ въ мужскихъ и женскихъ типическихъ черепахъ.

Обширная коллекція издѣлій доисторическаго человѣка Ладожскаго побережья описана самимъ г. Иностранцевымъ весьма обстоятельно въ IV главѣ его труда, и здѣсь же мы находимъ многочисленныя изображенія этихъ предметовъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ отдѣльныхъ таблицахъ. Авторъ, желая по возможности разностороннѣе рассмотреть остатки культуры каменной эпохи, при описаніи издѣлій, назначеніе которыхъ точно опредѣлено и названіе общепринято, сохраняютъ его за ними; при описаніи же прочихъ, названіе для нихъ авторъ заимствуетъ отъ самой ихъ формы и дѣлаетъ попытки выяснитъ ихъ назначеніе. Слѣдуя расположенію описанія по роду матеріала, мы въ общихъ чертахъ ознакомимся съ типами издѣлій. Въ ряду каменныхъ издѣлій мы находимъ весьма ограниченное число оббивныхъ орудій, какъ-то скребки и одна стрѣла, изъ роговика и кремня, за то массу прекрасно полированныхъ издѣлій изъ глинистаго сланца, среди которыхъ преобладаетъ типъ долотъ и топоровъ въ различныхъ варіаціяхъ; затѣмъ слѣдуютъ рубила, долбня, точила, ножи, шила и украшенія. Типъ этихъ издѣлій уже извѣстенъ по находкамъ въ Олонецкой губерніи гг. Бутенева, Лерха и Полякова. Костяныя и роговыя издѣлія отличаются большимъ разнообразіемъ и тщательностью отдѣлки и богаты числомъ. Особенно многочисленны заостренія подъ угломъ около 45° и съ двухъ сторонъ; затѣмъ идутъ ножи, ножи-скребки, шила, иглы, наконечники стрѣлъ, дротики, прекрасныя гарпуны съ зубцами на одной сторонѣ (подобныя описаннымъ Нильсономъ), украшенія и амулеты, и наконецъ, большой боевой топоръ, приготовленный изъ рога лося; это собраніе представляетъ значительный интересъ по своей рѣдкости, такъ какъ костяныя издѣлія сохраняются лишь при благоприятныхъ условіяхъ. Черепки сосудовъ съ орнаментомъ—единственные остатки издѣлій приладожскаго дикаря изъ глины; діаметръ сосудовъ у верхняго края достигалъ 580 мм. Для изготовленія ихъ дикарь бралъ красноватую песчаную глину, которая въ то время залегала непосредственно подъ почвою, при чемъ прибавлялъ къ ней то толченныя граниты, то обломки раковины *Unio*; посуда, приготовленная изъ последней смѣси, подвергалась нѣкоторому обжиганію. На горшкахъ были круглыя отверстія у верхняго края для прикрѣпленія веревки или ремня. Находки издѣлій изъ дерева крайне рѣдки, а потому

добытый на Ладожскомъ прибрежьи остатокъ древняго челнока заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ сдѣланъ изъ сплошнаго ствола дуба и напоминаетъ собою подобныя же челноки, открытыя въ западной Европѣ, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что внутри его перегородка не вставная, а составляетъ часть того же ствола. Вся длина сохранившейся части равняется 170 с. метрамъ, при наибольшей ширинѣ въ 86 с. м. и глубинѣ 16 с. м. Перегородка находится въ 112 с. м. отъ наружнаго края кормы. Наружная сторона челнока обработана весьма тщательно, но правильности нѣтъ тамъ, гдѣ приходилось снимать дерево наискось расположенія волоконъ: здѣсь поверхность неровная, бугристая. Слѣды отъ остраго края инструмента, сохранившіеся внутри челнока, а также присутствіе пепла въ клѣткахъ дуба, даетъ право допустить, что дикарь изготовлялъ челнокъ при помощи долбленія и выжиганія.

„Воспроизведение данной эпохи по памятникамъ быта однимъ только описаніемъ найденныхъ предметовъ будетъ далеко не полно“, говоритъ Иностранцевъ, „будетъ давать крайне мало матеріала читателю, если изслѣдователь, жившій нѣсколько времени духовно съ предметами имъ изучаемыми, не попытается свести свои изслѣдованія въ одну общую картину“. Эту картину авторъ и предлагаетъ въ V-й главѣ своего труда, озаглавленной „Бытовая и духовная сторона жизни доисторическаго человѣка побережья Ладожскаго озера“.

Участіе фантазіи въ данномъ случаѣ неизбежно, но авторъ предупреждаетъ читателя, что предѣлы фантазіи для современнаго изслѣдователя ограничиваются, съ одной стороны, требованіемъ наиболѣе разнообразныхъ находокъ памятниковъ быта, а равно и остатковъ флоры и фауны, а съ другой—сравненіемъ этихъ памятниковъ съ подобными же современныхъ намъ дикарей, переживающихъ на нашихъ глазахъ каменный и бронзовый періоды.

На первомъ планѣ выступаетъ рядъ существенныхъ вопросовъ объ образѣ жизни, питаніи и одеждѣ Ладожскаго дикаря. Такъ какъ здѣсь нѣтъ ни пещеръ, ни каменныхъ утесовъ-навѣсовъ, и не найдено слѣдовъ деревянныхъ (свайныхъ) построекъ, то остается предположить, что дикарь для жилья вырыналъ ямы, что не представляетъ особенной хитрости; въ топливѣ недостатку не было по обилію лѣса. На эту мысль наводитъ извѣстіе Ибнъ-Даста (X в.) и жизни современныхъ Эскимосовъ. Памятники быта приладожскаго доисторическаго человѣка—это масса подѣлокъ изъ камня, кости, дерева и глины; классифицируя ихъ, можно довольно рѣзко отличить

двѣ группы таковыхъ издѣлій по ихъ назначенію: первая—издѣлія для домашняго обихода, другая—для охоты.

Назначеніе такихъ издѣлій, какъ посуда, долота, шили, иглы, точила, скребки, пожи, долбни, украшенія и амулеты—очевидно: это—предметы домашняго обихода; орудіями же охоты были: наконечники стрѣлъ, дротики, гарпуны, копьевидныя заостренія изъ кости и т. п. Разумѣется, нѣкоторыя подѣлки могли играть и двоякую роль. Количественное отношеніе между найденными подѣлками обѣихъ группъ невольно наводитъ на мысль, что главная забота доисторическаго человѣка была сосредоточена на внутренней домашней жизни, а охота была необходимымъ подспорьемъ для поддержанія его существованія. Разсматривая совмѣстно всѣ издѣлія дикаря, можно заключить, что назначеніе нѣкоторыхъ подѣлокъ было одно и то же, независимо отъ того матеріала, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Такъ напри- мѣръ, скребки найдены были въ одномъ и томъ же слѣѣ оббивные изъ кремня и сланца, и прекрасно обточенные изъ кости. Оббивныя каменные орудія здѣсь представляютъ общезвѣстныя типы, а полированные каменные издѣлія, каковы: топоры, долота, рубила, клинья, сдѣланныя въ большинствѣ случаевъ изъ глинистаго сланца и орудія изъ кости—всѣма сходны съ подобными же предметами, находимыми въ сѣверныхъ странахъ. Такое поразительное сходство въ подѣлкахъ доисторическаго человѣка объясняется однако, по мнѣнію г. Иностранцева, путемъ самостоятельнаго изобрѣтенія а не заимствованія. „Мы уже имѣли случай“, говоритъ онъ, разбирая подраздѣленія каменнаго вѣка на отдѣлы, „показать, на сколько сильна зависимость между горными породами данной страны и матеріаломъ каменныхъ орудій и оружія доисторическаго человѣка. Съ другой стороны, и самая форма каменнаго издѣлія, изъ той или другой горной породы, вызывается самымъ характеромъ горной породы; вотъ почему и легко объяснить такое сравнительное однообразіе въ каменныхъ издѣліяхъ вообще человѣка этого періода“. Индивидуальный же характеръ обработки и характеръ своего творчества дикарь могъ обнаруживать на издѣліяхъ изъ легко обрабатываемаго матеріала.

Вооруженный каменнымъ или роговымъ топоромъ, копьевиднымъ заострепиемъ, плотно пасаженнымъ на деревянную рукоятку, навѣсивъ на себя точила и другіе необходимыя инструменты, нашъ дикарь отважно отправлялся на охоту, ради добычи пропитанія, на крупнаго звѣря, каковы были здѣсь—быкъ, лось, олень, кабанъ и медвѣдь. Весьма вѣроятно, что онъ встрѣчалъ врага и лицомъ къ

лицу, какъ это дѣлаетъ и нинѣ крестьяннинъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ, употребляя въ дѣло топоръ, рогатину и прибѣгая къ замаскированнымъ ямамъ. Большой избытокъ костей лося и тюленя свидѣтельствуешь, что эти звѣри нѣмало дѣлались добычею человека; тюленя онъ могъ бить, подобно Эскимосамъ, зимою у продушинъ среди льда, употребляя въ дѣло большіе рубила. Вообще же охота на тюленя, выдру, соболя, бобра и др., какъ и на птицъ, требуетъ ловкости и осторожности, а также наблюдательности и знанія образа жизни животныхъ. Собранная масса костей рыбъ значительно превосходитъ количество остатковъ костей звѣря, что приводитъ къ заключенію, что ладожскій доисторическій человекъ былъ прежде всею рыбакомъ, а уже затѣмъ охотникомъ. Судя по опредѣленнымъ профессоромъ К. О. Кесслеромъ остаткамъ рыбъ, Ладожскій бассейнъ имѣлъ обитателями тѣ же виды рыбъ, какъ и въ настоящее время, но только тогда достигали они значительно большихъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, сомъ имѣлъ отъ 6 до 8,5 пудовъ вѣсу, а налимы достигалъ пяти футовъ въ длину. Среди остатковъ рыбъ поражаетъ отсутствіе костей лосося и щуки, которые теперь весьма изобильны въ водахъ озера. Профессоръ Кесслеръ объясняетъ это неумѣніемъ людей каменнаго вѣка ловить ихъ; сѣтей у нихъ не было, на что указываетъ отсутствіе въ коллекціи костей мелкихъ рыбъ, тогда какъ эти послѣднія, судя по числу и по огромной величинѣ хищниковъ, непременно должны были встрѣчаться въ изобиліи. Надо думать, что наибольшій ловъ рыбы дикаремъ былъ зимою, при помощи оглушенія ея—самый простой способъ, практикуемый донынѣ. Онъ основанъ на томъ, что какъ только образуется ледъ, подъ нимъ у береговъ въ изобиліи скопляется рыба. Достаточно сильнаго удара по льду чтобы оглушить ее, а затѣмъ черезъ прорубь можно добывать ее хоть руками. Орудіемъ ловли служили также мелкія иглы изъ кости, которыя, по видимому, замѣняли современные крючки. Крупная же рыба, какъ и тюлени, ловилась гарпунами.

Такимъ образомъ обѣденное меню Ладожскаго дикаря по составу было главнымъ образомъ рыбное, затѣмъ мясное и уже за ними растительное (орѣхи, ягоды, грибы и пр.). Слѣды угли, какъ на глиняныхъ остаткахъ сосудовъ, такъ и обожженные кости рыбъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, свидѣтельствуютъ, что человекъ умѣлъ уже добывать и пользоваться огнемъ. Незначительность остатковъ сосудовъ, сдѣланныхъ изъ смѣси глины съ истолченнымъ гранитомъ и обожженныхъ, по видимому, указываетъ на то, что доисторическій человекъ

не часто прибѣгалъ къ приготовленію себѣ горячей пищи. Въ пользу этого же говоритъ масса расколотыхъ костей животныхъ, ради добыванія мозга, съ полнымъ отсутствіемъ слѣдовъ огня. Вслѣдствіе малоприготовленной пищи, челюстямъ дикаря приходилось усиленно работать, и почти всѣ зубы его подвергались стачиванію до десенъ; на нѣкоторыхъ черепкахъ пострадали только рѣзцы, которыми онъ вѣроятно рвалъ пищу.

Относительно одежды доисторическаго обитателя приладожскія въ виду отсутствія въ коллекціи подѣлокъ, которыя указывали бы на ткань или плетеніе, остается предположить, что онъ употреблялъ шкуры убитыхъ имъ животныхъ на свою одежду, сшивая ихъ при помощи шилевъ и иглъ.

Всѣ большія кости, по преимуществу кости конечностей, такихъ животныхъ, какъ быкъ, лось, олень и др., доставляли матеріалъ для подѣлокъ орудій и оружія изъ изобилія. Для приготовленія крупныхъ инструментовъ дикарь тщательно обрабатывалъ кости, нерѣдко распиливалъ ихъ по длинѣ. Такія длинныя кости конечностей, распиленные и оточенныя подъ угломъ въ 45°, найдены въ изобиліи. Изученіе этихъ костей и роговъ даетъ возможность сдѣлать заключеніе, что распиловка ихъ велась при помощи каменныхъ клиньевъ и песку. Вода по кости или рогу въ одномъ и томъ же направленіи рукою, вооруженною каменнымъ клиномъ, и посыпая борозду пескомъ, а вѣроятно, также смачивая водою, человекъ довольно быстро производилъ распиловку и пропиловку, тѣмъ болѣе, что какъ кости, такъ и рога, свидѣтельствуютъ, что пропиловка не доводилась до конца, а шла съ противоположныхъ сторонъ на встрѣчу, а затѣмъ пропиленный предметъ разламывался. Дальнѣйшая обработка рога и кости, заостреніе и стачиваніе, производилась на плиткахъ сланцеваго гнейса и песчаника.

Отсутствіе просверлилъ въ каменныхъ орудіяхъ и незначительное количество ихъ на костяныхъ подѣлкахъ указываетъ что этотъ процессъ еще недостаточно былъ усвоенъ дикаремъ. Поэтому онъ ограничивался дѣланіемъ боковыхъ вырѣзовъ на предметахъ, которые необходимо было привязывать на веревку.

При выборѣ матеріала для каменныхъ издѣлій, приладожскій обитатель останавливалъ свое вниманіе главнымъ образомъ на породахъ сланцеватыхъ, которыя, вслѣдствіе ихъ способности легко раскалываться на плитки, представляютъ удобства для обработки. Вслѣдствіе же мягкости этихъ породъ, онѣ легко стачиваются и полируются на

породахъ болѣе твердыхъ. Береговныя гальки, вынутыя изъ поддоной морены и обработанныя отчасти береговой волной, дикарь также не игнорировалъ.

Кромѣ необходимыхъ, насущныхъ потребностей жизни, которыя приходилось удовлетворять Ладожскому дикарю, въ его организмѣ заключались уже и задатки духовно-художественнаго проявленія духа дѣятельности. Эту послѣднюю сторону можно видѣть на немногочисленныхъ остаткахъ, каковы амулеты и украшенія, попытки изображенія животныхъ, и наконецъ, на рисункахъ на кости и глинѣ. Зубы медвѣди и кабаня, а также другія подѣлки, употребившіяся какъ предметы, имѣли, быть можетъ, и символическое значеніе. Орнаментъ, который дикарь любилъ наносить, какъ на украшенія, такъ и на необходимые въ его обиходѣ орудія, состоитъ изъ бороздъ, штриховъ и ямкообразныхъ углубленій, расположенныхъ или группами, или въ отдѣльныя линіи. При этомъ въ томъ и другомъ случаѣ замѣчается исключительное расположеніе по направленію прямыхъ или ломаныхъ линій. Нельзя также не замѣтить, что группировка бороздъ, штриховъ и ямокъ въ прямыхъ линіи, какъ и группировка самихъ линій, выражается числомъ четыре, которое, по видимому, было любимымъ числомъ дикаря. Глиняная посуда, въ особенности въ сыромъ видѣ, до обжиганія, могла доставить человѣку обширное поле для изощренія его художественныхъ способностей. Для изображеній на мягкой глинѣ не требовалось ни много труда, ни много времени. Но и здѣсь дикарь остался въ извѣстныхъ рамкахъ: та же простота орнамента, состоящаго изъ ямокъ и прямолинейныхъ полосъ, то прямыхъ, то покрытыхъ поперечными бороздами. Въ группировкѣ линій, образованныхъ ямками, замѣчается только одно расположеніе, а именно такія линіи направляются вокругъ сосуда. Ямки приготавлились простымъ вдавливаніемъ еще сырой глины при помощи тонкихъ вѣтокъ, о чемъ можно судить по тому, что мѣстами въ ямкахъ сохранилась обожженная кора этихъ вѣтокъ; на внутренней же поверхности, соответственно ямкамъ на наружной сторонѣ, есть бугорки. Простыя полосы наносились черченіемъ тонкимъ краемъ вѣтки округъ сосуда.

Проявленіемъ художественной дѣятельности приладожскаго дикаря служить олицетвореніе въ подѣлкахъ часто встрѣчающихся животныхъ, подобно пайденимъ какъ въ западной Европѣ, такъ у насъ въ Олонецкой губ. Такъ, на примѣръ, въ коллекціи г. Иностранцева находится силуэтное изображеніе морды животнаго, напоминающее морду мед-

нѣдя или собаки, сдѣланное на концѣ обломаннаго костянаго скребка, и полное силуэтное изображеніе тюленя, съ орнаментомъ, напоминающимъ покровъ животнаго. Здѣсь же мы находимъ два костяныхъ инструмента съ ясными надрѣзками, служившіе, по видимому, бирками или записями, подобные встрѣчающимся и теперь у нашихъ крестьянъ.

Въ послѣдней заключительной главѣ своего сочиненія авторъ дѣлаетъ попытку возстановить климатическія условія эпохъ каменнаго вѣка Приладожья, на основаніи данныхъ флоры и фауны, и освѣтитъ вопросъ о вліяніи климата и географіи мѣстности на самаго человѣка. Предупредивъ читателя о поразительномъ во времени постоянствѣ представителей растительнаго царства, которое обратило на себя вниманіе изслѣдователей ископаемой флоры, авторъ приводитъ мнѣнія проф. Шмальгаузена и Бекетова, разобравшихъ данныя его коллекціи, что всѣ 39 видовъ растений, найденные здѣсь, совершенно аналогичны видамъ, нынѣ живущимъ въ той же мѣстности. Одинъ только дубъ, нынѣ весьма рѣдкій, имѣлъ въ ту эпоху значительное развитіе, на что указываетъ залеганіе въ большомъ количествѣ въ чистомъ торфѣ громадныхъ его стволовъ, вмѣстѣ съ корнями и вѣтвями. Вообще же найденные остатки растительности приводятъ къ заключенію, что во время каменнаго вѣка побережье воднаго бассейна было покрыто густыми и по преимуществу лиственными лѣсами, съ преобладаніемъ дуба, что подтверждается также представителями фауны. Среди остатковъ животныхъ, собранныхъ здѣсь же, опредѣлилось 241 недѣлимыхъ, относящихся къ 44 видамъ млекопитающихъ, птицъ и рыбъ. Въ этомъ спискѣ мы встрѣчаемъ животныхъ, уже отчасти вымершихъ, какъ напримѣръ, туръ или плосколобий быкъ, далѣе—животныхъ, совершенно вытѣсненныхъ изъ данной мѣстности, каковы: кабанъ, бобръ, соболь и тупикъ, и наконецъ, отчасти вытѣсненныхъ—олень, лось, тюлень и сомъ. Обзоръ фауны и флоры каменнаго вѣка, по мнѣнію автора, выясняетъ нѣкоторые климатическія условія этой мѣстности въ ту эпоху и указываетъ на происшедшія измѣненія, хотя и не рѣзкія. Такъ, полярная граница дуба, проводимая въ настоящее время нѣсколько южнѣе данной мѣстности при чемъ въ конечныхъ пунктахъ являются лишь уродливые его представители, въ эпоху каменнаго вѣка значительно была отодвинута на сѣверъ. Обиліе же остатковъ кабановъ, и притомъ разнаго возраста, указываетъ по мнѣнію автора, на сходство климатическихъ условій этой мѣстности въ каменную эпоху съ условіями современной (55° с. ш.) сѣверной границы распространенія кабана: обиліе лѣсовъ, быть можетъ, означало

до нѣкоторой степени болѣе суровый климатъ этой границы. Остатки растеній и животныхъ указываютъ также, что толща культурныхъ слоевъ отлагалась въ ближайшемъ побережьи большого воднаго бассейна.

Внѣшняя обстановка доисторическаго человѣка Ладожскаго побережья—дремучій лѣсъ, обширный водный бассейнъ и довольно суровыя климатическія условія. Совокупность этихъ условій отпечатлѣвалась, какъ на образѣ жизни, такъ и на физической и психической сторонѣ его дѣятельности. Отвага побережнаго жителя и осторожность жителя лѣсовъ могли представить счастливое сочетаніе условій для выработки промысловаго характера доисторическаго человѣка. Матеріальная сторона жизни, поглощавшая человѣка, должна была отразиться на его физической природѣ и отпечататься въ извѣстныхъ формахъ его костяка, придавая ему характеръ расъ, стоящихъ на низшей ступени развитія. Кромѣ указанныхъ уже выше краніологическихъ особенностей приладожскаго дикаря, какъ-то: значительная толщина костей мужскихъ череповъ, малое развитіе лба и малоголовость, можно указать еще, по словамъ автора, на простоту швовъ передней части черепа и сложность швовъ задней части, саблеобразную форму берцовой кости, изогнутость плечевой кости и колонообразную форму бедра. Мѣста прикрѣпленія мышцъ, какъ на черепахъ, такъ и на костяхъ, доказываютъ значительное развитіе его физической силы. Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ ладожскимъ дикаремъ проф. Иностранцевъ предложилъ художнику, барону М. П. Клодту попытаться изобразить фizioномію дикаря, на основаніи данныхъ черепа. Результаты этой попытки—конечно—немыслимой безъ допущенія значительнаго произвола художника, который это и высказалъ, внесены въ настоящее изданіе. Намъ думается, что врядъ-ли подобные плоды остроумія уместны въ ученомъ сочиненіи.

Наука до настоящаго времени еще не обладаетъ масштабомъ, который возможно было бы прилагать для опредѣленія времени, потребнаго на образованіе даннаго человѣческаго пласта. Вслѣдствіе того нѣтъ и данныхъ для абсолютнаго счисленія времени, раздѣляющаго насъ отъ времени захороненія извѣстныхъ культурныхъ остатковъ. Приходится ограничиваться выясненіемъ лишь относительнаго ихъ положенія во времени. Авторъ настоящаго труда, переходя къ этому въ высшей степени интересному вопросу, напоминаетъ читателю, что его личныя взгляды относительно подобнаго опредѣленія, и также нѣкоторыхъ приѣмовъ, получившихъ у археологовъ право граждан-

ства, имъ изложены въ его статьѣ „Подраздѣленіе каменнаго вѣка на отдѣлы“ ¹⁾. Изъ этой статьи видно, что авторъ, подобно нѣкоторымъ ученымъ, высказывавшимъ свои взгляды много лѣтъ раньше его, отрицаетъ основательность классификаціи каменнаго вѣка, основанной на характерѣ обработки камня, на древній періодъ — палеолитическій и новый — неолитическій, классификаціи, принятой большинствомъ археологовъ. Въ данномъ случаѣ очевидно, что авторъ нападаетъ на тѣхъ археологовъ, которые это дѣленіе приняли весьма узко и односторонне и опредѣляютъ древность остатковъ исключительно по характеру ихъ обработки, игнорируя всѣ остальные обстоятельства. Но такихъ археологовъ въ настоящее время нужно уже считать единицами, въ чемъ легко убѣдиться, слѣдя за литературою предмета, а распространять это обвиненіе на всѣхъ вообще нѣтъ никакого основанія. Авторъ обращаетъ вниманіе также на крупное упущеніе, дѣлаемое вообще археологами, вслѣдствіе игнорирования ими крайне важнаго вопроса о литологическомъ характерѣ тѣхъ горныхъ породъ, которыя служили доисторическому человѣку для его издѣлій. Г. Иностранцевъ пришелъ къ убѣжденію, на основаніи осмотра доисторическихъ коллекцій, „что развитіе мѣстныхъ горныхъ породъ не только имѣетъ громадное вліяніе, какъ извѣстный матеріалъ, на матеріалъ каменныхъ орудій, но ими вызывается и извѣстный характеръ обработки каменнаго издѣлія. Такъ напримѣръ, кремень, обладающій превосходнымъ раковистымъ изломомъ, весьма легко поддается обработкѣ при помощи легкаго удара или нажима, при чемъ получается рѣзущій край. Затѣмъ же рядомъ послѣдовательныхъ и осторожныхъ ударовъ придается желаемая форма. Не то мы имѣемъ при обработкѣ сланцевитыхъ горныхъ породъ. При ударѣ по нимъ твердымъ предметомъ эти породы распадаются на отдѣльныя плиты. По всѣмъ же другимъ направленіямъ сланцевитыя породы имѣютъ неправильный изломъ, такъ что простымъ оббиваніемъ невозможно придавать камню извѣстную форму, имѣющую симметрію; необходимо его сошлифовать, стирать о другіе, болѣе твердые, камни. Простое сравненіе издѣлій, приготовленныхъ изъ камня или изъ породъ сланцевыхъ, показываетъ, что въ формѣ такихъ издѣлій крайне мало общаго. Очевидно, что если допустить различіе въ формѣ и обработкѣ кремневаго и сланцеваго орудія только въ зависимости

¹⁾ Речи и протоколы VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей. 1880 г. С.-Пб.

отъ культуры, то отсутствіе промежуточныхъ, связывающихъ типовъ представило бы намъ явленіе необъяснимое¹⁾. Для вѣщаго подтвержденія своей идеи авторъ обращается къ сѣверу Россіи и останавливается главнымъ образомъ на При-онежской области. Всю эту мѣстность можно раздѣлить приблизительно на двѣ части, при чемъ въ западной будетъ область развитія плотныхъ горныхъ породъ (метаморфическихъ и кристаллическихъ), а въ восточной — горныхъ породъ болѣе мягкія, осадочныя. Въ первой изъ нихъ замѣчается исключительное преобладаніе полированныхъ издѣлій каменнаго вѣка, во второй же — оббитыхъ. Съ археологической точки зрѣнія, говоритъ авторъ, — необходимо принять, что въ данной области на западѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ неолитическою культурою, а на востокѣ съ палеолитическою. По мнѣнію же автора, которое при-едено нами выше, нахожденіе въ данномъ районѣ исключительно шлифованныхъ орудій обуславливается развитіемъ здѣсь сланцеватыхъ горныхъ породъ, обработка которыхъ немислима простымъ оббиваніемъ.

Быть можетъ, г. Иностранцевъ былъ недостаточно счастливъ при осмотрѣ коллекцій, такъ какъ онъ не нашелъ въ нихъ ни сланцевыхъ орудій, изготовленныхъ простымъ оббиваніемъ и вполне симметричныхъ, ни промежуточныхъ, связывающихъ типовъ между оббитыми и шлифованными. Съ своей стороны, мы укажемъ только на весьма поучительную въ этомъ отношеніи коллекцію каменныхъ орудій изъ восточной Россіи въ музеѣ Русскаго Географическаго Общества, вывезенную г. Малаховымъ, а также на изображенія промежуточныхъ типовъ, хотя и немногихъ, какъ въ извѣстномъ сочиненіи графа А. С. Уварова о каменномъ вѣкѣ, такъ и въ статьяхъ г. Полякова. Представимъ себѣ дикаря временъ глубокой древности, волей судьбы закинутого изъ мѣстности, обильной кремнемъ, въ область развитія сланцевъ; естественно, что дикарь брался за сланецъ, чтобы изготовить себѣ примитивное орудіе, потребное для добычи пищи, примѣняя при обработкѣ способъ оббиванія наиболѣе простой и ему уже извѣстный. Приспосабливая свой навыкъ къ данной породѣ, онъ и достигалъ желаемого. Иначе пришлось бы допустить, что дикарь въ новой обстановкѣ до тѣхъ поръ не могъ имѣть орудій, пока онъ не научился шлифовать данную породу. Между тѣмъ очевидно, что дикарь, пользуясь оббитыми сланцевыми орудіями, въ особенности долотами и

¹⁾ Рачи и протоколы VI сѣзда русс. естествоиспытателей, стр. 273.

топорами, не могъ не замѣтить, что края ихъ отъ употребленія сглаживаются, а это и навело его на мысль прибѣгать къ стиранию о болѣе твердые камни обрабатываемыхъ сланцевъ на орудія; цѣлесообразность же этого приема, относительно сланцевъ, способствовала окончательному вытѣсненію оббиванія при обработкѣ этихъ породъ, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ остаткахъ болѣе поздней культуры, въ мѣстахъ развитія сланцевыхъ породъ, мы имѣемъ дѣло исключительно съ шлифованными орудіями. Имѣя это въ виду, нельзя не признавать основательности помянутаго дѣленія во времени жизни доисторическаго человѣка, на основаніи характера обработки его орудій, и не относя оббивныхъ, грубыхъ орудій къ древнѣйшей, палеолитической эпохѣ; но такъ какъ подобныя орудія производились и въ послѣдующія эпохи, то рѣшающее значеніе въ опредѣленіи принадлежности оббивныхъ орудій къ палеолитической эпохѣ имѣеть условія ихъ значенія и сопровождающая ихъ фауна.

Въ той же статьѣ г. Иностранцева разсматривается вопросъ о введеніи фаунистическаго начала для болѣе обстоятельнаго и положительнаго опредѣленія относительной древности остатковъ доисторическаго человѣка. Принципъ этотъ, введенный въ геологію Ляйеллемъ, основанъ на подробномъ сравненіи остатковъ фауны (и флоры), находимыхъ съ остатками человѣка съ фауной и флорой настоящаго времени той же мѣстности. Этотъ вопросъ уже не разъ останавливалъ на себѣ вниманіе, какъ геологовъ, такъ и антропологовъ, и безспорно, имѣеть важное значеніе, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что мы здѣсь соприкасаемся непосредственно со многими вопросами изъ области зоогеографіи — науки, находящейся еще въ младенческомъ состояніи. Г. Иностранцевъ предлагаетъ ввести въ этотъ вопросъ нѣсколько коэффициентовъ, ради полноты его освѣщенія; такъ кромѣ вымершей фауны, онъ считаетъ возможнымъ принимать во вниманіе организмы, вытѣсненные совершенно или отчасти изъ данной мѣстности, а также и домашнихъ животныхъ, какъ извѣстный признакъ культуры.

Примѣняя настоящій фаунистическій приемъ къ остаткамъ доисторической фауны побережья Ладожскаго озера и сравнивая ихъ съ подобными же по полнотѣ коллекціи остатками каменнаго вѣка Швейцаріи и Даніи, мы можемъ, по мнѣнію автора, опредѣлить положеніе Ладожскихъ находокъ во времени, а именно онѣ занимають мѣсто между свайными постройками Швейцаріи и остатками каменнаго вѣка Даніи, примыкая ближе къ послѣднимъ. Тамъ, благодаря обилію

кремня мѣловой системы, орудія и оружія оббивными кремневыми; здѣсь же, вслѣдствіе развитія сланцевыхъ породъ, ихъ замѣняютъ полированные сланцевыя и костяныя издѣлія.

Считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь также мнѣнія другихъ ученыхъ о положеніи во времени приладожскаго доисторическаго человѣка. По мнѣнію графа Уварова, по характеру издѣлій наглядно опредѣляется, что поселеніе у Ладожскаго озера принадлежитъ къ послѣднимъ временамъ неолитической эпохи ¹⁾. Профессоръ Анучинъ находитъ, что несомнѣнное присутствіе *Bos primigenius*, нахожденіе двухъ породъ собаки и характеръ костяныхъ издѣлій приближаютъ ихъ съ остатками изъ свайныхъ построекъ (по крайней мѣрѣ въ Швейцаріи), которыя, однако, были населены все-таки не самымъ древнимъ, а другимъ, болѣе культурнымъ племенемъ, имѣвшимъ уже многихъ домашнихъ животныхъ и занимавшимся въ довольно обширныхъ размѣрахъ, земледѣліемъ ²⁾. Наконецъ, г. Поляковъ не считаетъ возможнымъ признать, чтобы со времени жизни доисторическихъ обитателей Приладожья, произошли какіе-либо крупныя и сложныя физико-географическія или гидрографическія перевороты, отрицаетъ также пониженіе съ тѣхъ поръ уровня Ладожскаго озера; вслѣдствіе того онъ ставитъ здѣшнихъ дикарей „въ довольно тѣсныя хронологическія отношенія, по окружавшей ихъ физико-географической обстановкѣ и по ихъ развитію, къ началу уже историческаго развитія“. Жители каменнаго вѣка здѣсь были окружены лѣсами, подобными современнымъ (крошѣ, впрочемъ, дуба), съ тѣми же звѣрьми, которые до сихъ поръ водятся, или по крайней мѣрѣ были вѣкогда хорошо извѣстны нашимъ предкамъ. Туръ, кабанъ, бобръ, соболь обитали здѣсь и въ историческое время. Орудія доисторическихъ обитателей Приладожья для каменнаго періода представляютъ верхъ совершенства ³⁾.

Опредѣливъ положеніе ладожскаго человѣка каменнаго вѣка во времени въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ таковымъ же Данин, г. Иностранцевъ даже дѣлаетъ попытку еще болѣе объективно представить отдаленность отъ насъ той эпохи, къ которой онъ относится. Такъ, залеганіе культурной толщи прямо на размытыхъ остаткахъ поддон-

¹⁾ Графъ Уваровъ, Археологія Россіи каменнаго вѣка. I, стр. 388.

²⁾ Журн. М. Н. Пр., 1882 г., евр. кн., стр. 406.

³⁾ Записки Имп. Р. Г. Общ. по Отд. Этн. III, 383—388; IX, 136—59.

ной морены указываетъ, по его мнѣнію, на то, что между ледниково-вымъ періодомъ и временемъ жизни здѣсь человѣка каменнаго вѣка протекъ значительный промежутокъ времени. Отсутствие металлическихъ издѣлій и нахожденіе лишь одной собаки въ домашнемъ состояніи отодвигаетъ курганный періодъ той же мѣстности на громадный промежутокъ времени. Тѣ же данныя заставляютъ г. Иностранцева отодвинуть въ глубь времени, далеко за времена Аріицевъ, приладожскаго дикаря и видѣть въ немъ представителя еще болѣе древняго первоначальнаго племени.

Въ геологическомъ очеркѣ Ладожскаго побережья было уже обращено вниманіе на разнообразныя колебанія уровня Ладожскаго озера, и выясненіе причинъ, которыми они обусловливались, представляетъ крайне важный и, можно сказать, насущный интересъ въ данномъ случаѣ. Поэтому авторъ намѣчаетъ здѣсь въ общихъ чертахъ причины подобныхъ измѣненій, подробныя же доказательства своихъ объясненій и выводовъ, которые подтвердились также при изслѣдованіи строенія наносовъ р. Невы и ея террасъ, онъ намѣренъ изложить въ особомъ этюдѣ.

Всѣ изслѣдованія автора, какъ вышеупомянутыя, такъ и въ Олонецкой губерніи, приводятъ его къ слѣдующему заключенію: „До ледниковой эпохи, но въ какую именно, точно опредѣлить теперь мы не имѣемъ возможности, Финскій заливъ соединялся широкимъ проливомъ не только съ Ладожскимъ озеромъ, но, можетъ быть, и съ Онежскимъ. Къ этому времени мы должны отнести и образованіе Царскосельско-Путиловско-Волховской террасы. Наступленіе ледниковой эпохи вызвало уничтоженіе бывшихъ здѣсь бассейновъ. Спускавшійся съ финляндскихъ высотъ ледникъ, переходя нынѣшній Корельскій перешеекъ и поднимаясь на Царскосельскія высоты, принесъ поддонную морену въ находящуюся здѣсь котловину. Этотъ ледникъ уничтожилъ покрывающій здѣсь наносъ... Таяніе нѣкогда бывшихъ ледниковъ обусловило отложеніе поддонной морены, какъ на высокихъ террасахъ, такъ и въ котловинѣ Корельскаго перешейка; эта поддонная морена отчасти выстала собою существовавшій нѣкогда проливъ. Но то же таяніе ледниковъ вызвало образованіе озеръ то-есть, выполненіе болѣе глубокихъ котловинъ водою,—какъ результатъ таянія. Такими наиболѣе крупными котловинами въ с.-з. Россіи являлись озера Онежское и Ладожское. По нашему мнѣнію, въ это время, уровень Ладожскаго озера стоялъ ниже, чѣмъ въ современную намъ геологическую эпоху; къ этому періоду времени мы и относимъ

поселенія въ побережьѣ Ладожскаго озера доисторическаго человѣка каменнаго вѣка. Въ это время не было ни р. Невы и никакого другаго сообщенія Ладожскаго озера съ бассейномъ, лежащимъ отъ него къ западу. Скопленіе атмосферныхъ осадковъ, доставляемыхъ съ столь обширной площади, въ Ладожскомъ озерѣ, конечно, повело за собою нѣкоторое повышеніе, хотя, можетъ быть, и ничтожное уровня воды. Сосѣдній громадный водоемъ Онежскаго озера, представившій намъ такой высокій горизонтъ (надъ современнымъ уровнемъ озера 48,9 метровъ) нѣкогда бывшаго здѣсь стоянія воды, долженъ былъ найдти себѣ исходъ". Первый стокъ избытка водъ изъ Онежскаго озера въ Ладожское въ наиболѣе низкомъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ р. Свирь, образовалъ прорывъ, а съ нимъ и р. Свирь, которая въ теченіе времени убрала свои воды изъ широкаго пролива въ современное ея русло. Послѣдовало повышеніе уровня воды въ Ладожскомъ озерѣ. Къ этому времени г. Иностранцевъ и относитъ постепенное затопленіе побережья, гдѣ жилъ доисторическій человѣкъ, водою и отложеніе низкихъ частей культурныхъ слоевъ. Тогда же произошло затопленіе лѣса съ вертикально стоящими деревьями близъ г. Шлис-сельбурга. Такое повышеніе уровня Ладожскаго озера могло продолжаться до тѣхъ поръ, пока оно не дошло до верхней поверхности ледниковаго напоса, покрывавшаго Корельскій перомеекъ, а это мѣсто наиболѣе низкое между нынѣшнимъ Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. Избытокъ водъ долженъ былъ направиться по этой низинѣ въ видѣ пролива. Этотъ прорывъ уничтожилъ въ долинѣ р. Невы значительную часть поддошной морены, а когда уровень Ладожскаго озера нѣсколько понизился, то и въ этомъ проливѣ отложился осадокъ, въ которомъ, въ свою очередь, рѣка Невы и вырыла себѣ современное ей ложе. „Ко времени пролива“, говоритъ авторъ — „мы и относимъ образованіе въ невской долинѣ вторыхъ террасъ. Такое образованіе рѣки Невы повело за собою пониженіе уровня воды Ладожскаго озера; но, получивъ постоянное сообщеніе съ Онежскимъ озеромъ, оно уже никогда не достигало того низкаго уровня, при которомъ первоначально жилъ здѣсь человѣкъ каменнаго вѣка". Такіа значительными орографическими измѣненіи, произошли въ значительный промежутокъ времени. Доисторическій человѣкъ, по мнѣнію автора, во всякомъ случаѣ былъ свидѣтелемъ не только образованія р. Невы, но и широкаго пролива. Выстъ съ тѣмъ г. Иностранцевъ присоединяется къ мнѣнію А. П. Богданова, что это племя каменнаго вѣка, жившее на побережьяхъ Ладожскаго озера, мы должны

признать родоначальникомъ большинства нашихъ курганныхъ племенъ, довольно густо заселявшихъ мѣста Новгородской области во времена, теряющіяся въ глубокой древности.

Ознакомивъ читателя съ разнообразнымъ содержаніемъ книги „Догисторическій человѣкъ побережья Ладожскаго озера“, скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу тѣхъ вопросовъ, которые при этомъ невольно возникаютъ. Такъ, нѣсколько строкъ выше, мы словами автора опредѣлили эпоху жизни человѣка каменнаго вѣка на берегу Ладожскаго озера. Не малый періодъ времени протекъ, конечно, съ той поры, когда образовалось озеро и когда затѣмъ установились здѣсь возможныя жизненные условія, такъ какъ на берегахъ этой котловины на вязкой поверхности поддонныхъ и поверхностныхъ моренъ, безъ сомнѣнія, растились необъятныя болота ¹⁾. Въ этотъ промежутокъ времени, предшествующій отложенію группы слоистыхъ песковъ и болѣе новыхъ глинъ, по словамъ г. Иностранцева, происходило размываніе ледниковаго наноса (стр. 7). Когда же пришелъ человѣкъ, тогда растительность была уже въ полномъ развитіи.

Обращаясь теперь къ мощнымъ береговымъ наносамъ Онежскаго и Ладожскаго озеръ, мы видимъ, что изслѣдованіе ихъ привело г. Иностранцева къ заключенію о бывшемъ высокомъ стояніи водъ въ этихъ озерахъ во время, послѣдующее за поселеніемъ здѣсь человѣка каменной эпохи. Остановимся на Онежскомъ озерѣ, которое имѣло свой уровень (судя по наносамъ) на высотѣ 48,9 метра надъ современнымъ уровнемъ; если же мы прибавимъ къ этому еще разность высотъ озеръ Онежскаго и Ладожскаго (уровень послѣдняго былъ еще ниже, чѣмъ теперь), то въ общемъ эта разность, надо предположить, значительна. „Громадный Онежскій водоемъ долженъ былъ найдти себѣ исходъ“, говорятъ авторъ (стр. 240) „и въ наиболѣе низкой мѣстности, гдѣ лежитъ р. Свирь долженъ, былъ образовать прорывъ“. Не смотря на значительную ширину бывшаго Свирскаго перешейка, (судя по длинѣ современной долины р. Свири въ 201 версту полное паденіе которой составляетъ 188 футовъ), по которому прошла масса онежской воды, этого могучаго физическаго дѣятеля, врядъ ли это осталось безслѣдно, то-есть, не отразилось какъ на конфигураціи перешейка, такъ и дна Ладожскаго бассейна. Могучій прорвавшійся потокъ могъ не быть грознымъ разрушителемъ среди кристаллическихъ породъ, но здѣсь, встрѣчая благоприятныя условія (отложенія

¹⁾ Сравни. Записки Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. VII, 145.

песчаноглинистыя и каменистыя), гроза прошла, безъ сомнѣнія, со всею силою ¹⁾. Достаточно припомнить описанія прорывовъ озеръ Хэйтійна ²⁾ и Сувандо ³⁾, чтобы представить себѣ эту картину. Вливающийся потокъ поднималъ уровень водъ озера, а вмѣстѣ съ тѣмъ вносилъ сюда громадное количество продуктовъ своего разрушенія во взвѣшенномъ въ водѣ состояніи, оставляя, быть можетъ, смытыя деревья и валуны, еще не достигнувъ устья пролива. Одновременно съ процессомъ осажденія принесенныхъ глинъ и песковъ совершалось и подниманіе береговъ поднимающейся водою. А если наступающая вода разрушительно дѣйствовала на почву, скрѣпленную проросшими корнями вѣковыхъ деревьевъ, и склоняла или сваливала послѣднія въ ту сторону, откуда шелъ прибой, тѣмъ и объясняется ихъ перпендикулярное залеганіе къ урѣзу водъ, то могла ли эта же сила не повліять на прибрежныя отложенія намывного торфа? Безъ сомнѣнія, намывной торфъ не могъ противустоять этой силѣ. Наблюдая подобное явленіе на современныхъ намъ озерахъ, мы видимъ, что вода, въ томъ случаѣ если намывной торфъ еще недостаточно окрѣпъ, то-есть, если его образующая масса мало сплетена корнями проросшихъ растений и не образовала еще дерновины, — перемываетъ его вновь, видоизмѣняя положеніе составныхъ его частей. При наступленіи же воды на окрѣпшій коверъ намывного торфа, на которомъ видѣнъ уже мелкій кустарникъ, этотъ коверъ всплываетъ, легко отдѣляясь отъ своей подпочвы, и тогда образуются колыхающіяся лавды, обычныя на нашихъ озерахъ. Толщина лавды, при большой плотности, нерѣдко бываетъ весьма значительна, удерживаетъ валуны и стволы деревьевъ какъ на своей поверхности, такъ и раньше включенные въ ея толщу. Вѣтеръ нерѣдко подобныя лавды или части ихъ отрываетъ отъ побережья и носитъ ихъ по озеру до тѣхъ поръ, пока они садутъ гдѣ-либо плотно на мель или же, сильно напятаая водою, погружаются на дно озера. Затопленіе же на мѣстѣ торфянаго ковра, безъ его всплыванія, возможно лишь въ случаѣ крайней мед-

¹⁾ «Восточный берегъ Ладожскаго озера низменный и состоитъ изъ глинистой почвы, которая на самой береговой линіи переходитъ въ песчаную, наполненную валунами» (*Семеновъ*, Геогр. стат. словарь Росс. Имперіи, III, 7). «Устье р. Свири образуетъ въ соединеніи съ устьемъ р. Паши замѣчательный лабиринтъ водныхъ протоковъ, частью не судоходныхъ, и обширный лиманъ съ плоскими болотистыми берегами» (*Ibid.*, IV, 517).

²⁾ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., VII, 105.

³⁾ *Документы*. Способы образованія рѣчныхъ долинъ, стр. 53.

ленности процесса наступления или прибыли воды и при полном покое бассейна; тогда торфъ постепенно, шагъ за шагомъ, насыщается водою и въ силу своей тяжести остается на днѣ.

Имѣя въ виду только что сказанное, взглянемъ на культурные слои каналовъ Ладожскаго побережья. Здѣсь „торфъ“, по словамъ профессора Иностранцева, представлялъ собою то гнѣздовня спонления, то тянулся довольно равномерно безъ перерыва по дну канала. „Исслѣдуя этотъ намывной торфъ на мѣстѣ его залеганія, намъ приходилось находить черепа и кости скелета человѣка, но почти всегда недоставало все-таки или одной, или двухъ конечностей; иногда находили съ черепомъ даже только верхнюю часть скелета“, (стр. 12). „Судя по положенію остатковъ самого человѣка въ намывномъ слоѣ, очевидно, что надо прійти къ заключенію, что кости его были сильно разстроены прежде ихъ погребенія какъ въ слоистыхъ пескахъ, такъ и въ этомъ намывномъ слоѣ торфа“ (стр. 13).

Крайняя разрозненность частей костяковъ человѣка, нахожденіе ихъ и остатковъ культуры на разныхъ горизонтахъ, и не только въ торфѣ, но и въ слоистыхъ пескахъ, все это говоритъ, какъ намъ кажется, въ пользу того, что нельзя считать безусловно залеганіе всѣхъ этихъ остатковъ *in situ*, а скорѣе можно признать ихъ перенесенными, быть можетъ, и не на дальнее разстояніе—отъ ихъ первичнаго захороненія. Для большаго выясненія этого вопроса, въ настоящее время, нѣтъ никакихъ данныхъ; какъ такъ работы на каналахъ обнажили полосу культурныхъ слоевъ относительно незначительной широты, а общее опредѣленіе послѣдней въ данномъ случаѣ представляетъ большой интересъ.

Многочисленность добытыхъ остатковъ культуры и костей самого человѣка указываетъ на значительную густоту поселенія въ каменную эпоху на Ладожскомъ побережьи. Культура здѣшняго дикаря, съ которою мы знакомимся по предѣстамъ домашняго обихода и орудіямъ промысла, достигла уже значительнаго совершенства. Описание всей коллекціи по-очію знакомитъ насъ со всѣмъ разнообразіемъ и совершенствомъ въ обработкѣ издѣлій изъ камня, кости, глины и дерева, и свидѣтельствуетъ о значительной приспособленности человѣка къ жизненнымъ условіямъ. Такъ мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ костяныхъ издѣлій, предназначенныхъ для разныхъ цѣлей, а также значительное количество каменныхъ, вполне симметричныхъ орудій, прекрасно отшлифованныхъ; на послѣднее обстоятельство авторъ мало обращаетъ вниманія и говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ,

оставался вѣрнымъ своему взгляду, что степень обработки доисторическихкихъ издѣлій не составляетъ существеннаго признака. Между тѣмъ, даже при бѣгломъ обзорѣ его коллекцій, не имѣя никакихъ предвзятыхъ идей, нельзя не убѣдиться въ томъ, что имѣешь предъ собою произведенія уже не того грубаго дикаря, представленіе о которомъ вызывается понятіемъ о человѣкѣ палеолитическаго періода, а произведенія дикаря, поднимавшагося уже на извѣстную ступень культуры. Незначительность измѣненій пережитыхъ флорой и фауной за періодъ, отдѣляющій насъ отъ Ладожскихъ доисторическихкихъ обитателей, указываетъ на относительно небольшой промежутокъ времени, протекшій съ тѣхъ поръ, сравнительно съ періодомъ, когда современниками человѣка были мамонты, носороги и прочія животныя—представители вымершей фауны.

Вся торфяниковая коллекція г. Иностранцева, покоившаяся подъ слонистыми и дюнными образованиями, составляетъ остатки быта людей, предѣломъ жизни которыхъ вдоль Ладожскаго побережья послужилъ прорывъ Онежскаго озера, результатомъ котораго было затопленіе береговъ. Высокое же стояніе воды этого озера, обусловившее прорывъ его, было „сравнительно еще недавно, то-есть въ современную намъ геологическую эпоху“. „Строеніе долины р. Свири точно также свидѣтельствуешь намъ, что и эта рѣка крайне молодая въ геологическомъ смыслѣ.....“ (стр. 240).

Обзоръ настоящаго труда и все сказанное нами приводитъ насъ къ тому заключенію, что если и возможно причислить описанное г. Иностранцевымъ приладожское племя каменнаго вѣка, какъ это дѣлаетъ авторъ, къ родоначальному племени, которое съ глубокой древности населяло Европейскую Россію и дало въ своихъ прямыхъ потомкахъ начало большинству нашихъ курганныхъ племенъ, то тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что древнѣйшіе обитатели Европейской Россіи, временъ эпохи мамонта, принадлежавшіе, вѣроятно, къ этому же племени, отдѣлены отъ насъ неизмѣримо большимъ промежутокъ времени, чѣмъ приладожскіе дикари, и эпоха жизни первыхъ дѣйствительно теряется въ глубокой древности.

Какъ бы то ни было, настоящій трудъ, въ которомъ мы имѣемъ всестороннее, тщательное описаніе одной изъ самыхъ полныхъ, по отношенію къ возстановленію быта доисторическихкихъ обитателей, коллекцій, имѣющихся въ Россіи, составляетъ, безъ сомнѣнія, весьма крупный вкладъ въ русскую антропологическую литературу. Кромѣ того, онъ приобретаетъ особенное значеніе, какъ первое обстоятель-

ное описаніе одного изъ центровъ обитанія доисторическаго чело-
вѣка, которые могутъ служить—по справедливому замѣчанію г. Ино-
странцева ¹⁾—„основными центрами для извѣстнаго района, съ которыми
мы и будемъ сравнивать болѣе бѣдныя находки изъ ближайшихъ
мѣстностей. Полное сходство этихъ послѣднихъ съ остатками такого
центра, какъ по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ животнымъ, такъ и въ ха-
рактерѣ издѣлій доисторическаго чело-вѣка, дастъ намъ возможность
приравнять ихъ другъ къ другу по времени. Различіе, выступающее
при такомъ сравненіи, заставитъ насъ новыя находки ближайшихъ
мѣстностей относить, не смотря даже на ничтожное количество со-
провождающихъ ихъ остатковъ животныхъ, къ слѣдующему или
предшествующему періоду“.

Въ заключеніе замѣтимъ, что внѣшняя сторона изданія, прило-
женные къ нему рисунки и пр., прекрасны и вполне соответствуютъ
тому интересу, который возбужденъ замѣчательнымъ открытіемъ г.
Иностранцева.

III. Сет-скій.

Лисцовая книга Гродненской экономіи, съ прибавленіями. Двѣ части. Вильна.
1881—1882.

Въ Польско-Литовскомъ государствѣ время отъ времени произво-
дились ревизіи земель, принадлежавшихъ королевской экономіи. Ре-
визіи эти дѣлались весьма тщательно, при чемъ составлялись весьма
подробныя описи дворцовъ, дворовъ, городовъ и селъ. При каждомъ
описаніи земель указывались подробно ихъ границы, перечислялись
всѣ лица, владѣвшія въ то время земельными участками, указыва-
лось количество земли, принадлежащей той или другой деревнѣ,
тому или другому городу, вмѣстѣ съ податями, съ нихъ взимаемыми.
Описи эти имѣютъ громадное значеніе для опредѣленія экономиче-
скаго состоянія разныхъ мѣстностей Польши и Литвы. Вмѣстѣ съ
тѣмъ, лисцовыя книги даютъ богатый матеріалъ для географіи и
этнографіи края.

Новое виленское изданіе содержитъ въ себѣ между прочимъ одну
опись, относящуюся къ XVI вѣку. Это послѣднее обстоятельство при-
даетъ ей еще значеніе филологическое. Какъ памятникъ польскаго

¹⁾ Рѣчи ч протоколы VI сѣзда русск. естествоиспытателей, стр. 288.